

КАЗАЧЕСТВО КАК СУБЪЕКТ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Осваивается содержание дискурса о перспективах аграрной колонизации Степного края в пореформенный период, участии казачества в земельном освоении региона. Установлено, что в 1870-х гг. обнаружилась тенденция к смене колонизационной парадигмы, когда практики вовлечения казаков в аграрное переселение зарекомендовали себя как малоэффективные. Основной причиной стало присущее казачеству обостренное чувство социальной идентичности, что способствовало корректировке имперских планов, ставке на крестьянство в деле аграрного освоения региона.

Ключевые слова: казачество; аграрная колонизация; переселенцы; сословная идентичность; коренное население.

Начиная со второй половины XIX столетия, когда российская имперская политика, направленная на административную интеграцию национальных окраин в имперское пространство, приобрела ярко выраженные форсированные формы, происходят определённые коррективы в оценке значения, функций и роли различных сословий в колонизационном процессе.

Своеобразным стимулом к видоизменению имперских планов колонизации стала дискуссия о перспективах казачества в процессе аграрного освоения степных районов Зауралья, которая развернулась в 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии. Данная комиссия пришла к выводу, что казачья колонизация внутри степи «отжила свой век», а казаков лучше передвинуть на новые границы империи, «чтобы их станицы разъединили казахов, живущих по обе стороны российско-китайской границы» [1. С. 188]. Возобладало мнение, что для водворения русского населения в крае лучше использовать свободную земельную и промышленную колонизацию [2].

В 1870-х гг. в административных кругах разговор, касавшийся вопроса эффективности казачьей колонизации и её влияния на «иностранцев» Степного края, был продолжен. По мнению Г.А. Колпаковского, роль казачества в колонизации региона постоянно менялась. Первоначально оно было призвано защищать военную линию от набегов кочевников, а казачьи поселения являлись решающей военной силой, используемой для подавления любых форм сопротивления со стороны «иностранческих» групп. В условиях завершения завоевания казачество как реальная военная сила потеряло былое значение. Недовольство административной бюрократии края вызывало и то, что казачество, будучи военным сословием, не зарекомендовало себя в качестве хороших хлебопашцев и, главное, постоянных проводников аграрной колонизации региона.

Данная позиция предметно была озвучена во Всеподданнейшем отчёте акмолинского военного генерал-губернатора В.А. Цытовича: «До настоящего времени в степи дозволено устраивать только казачьи поселения. В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время это необходимость миновала, и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же, по роду своей службы, не могут систематически заниматься зем-

леделием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным» [3. Л. 234].

Здесь необходимо отметить тот факт, что трансформации во взглядах правительственных структур на роль казачества в колонизации края происходят именно в тот период, когда участие сословия в освоении региона достигает своей высшей точки. По мнению исследователей проблемы, казачество являлось крупнейшим землевладельцем в границах тех территорий, которые, оставаясь в сфере интересов кочевого населения, постепенно попадали в ареал гражданской колонизации и аграрных переселений. По мнению Т.Б. Митропольской, «передав войскам огромные владения лучшей пахотной земли и пастбищ, правительство вместе с источником жизни обеспечило казачество непреходящим источником конфронтации с коренным населением, у которого эти земли были изъяты или просто захвачены, а позднее – и с переселенческим крестьянством» [4. С. 11].

Симптоматично, что активизация крестьянских переселений, в том числе и несанкционированных, но признаваемых властями постфактум, в земледельческие местности Степного края создавала определённые прецеденты для имперской рекогносцировки в организации колонизационного процесса, что не могло не сказаться на взаимоотношениях субъектов освоения региона.

В менявшейся ситуации организаторы и участники переселенческого дела не могли не увидеть очевидных перемен, происходивших в сфере аграрной колонизации Степного края. Властям становилось ясно, что нарастающая волна самовольных переселений, проявившаяся в хаотичном притоке лиц земледельческого сословия в области степной полосы, приводила к более эффективным результатам в аграрной сфере, нежели долгосрочное внедрение земледельческих практик в казачью среду.

В необычайно коммуникативной крестьянской среде информация о хозяйственных успехах, часто приукрашенная, распространялась невероятно быстро, тем более что основания для оптимизма у потенциальных переселенцев в Степной край действительно были. В частности, по свидетельству В. Остафьева, экономический рост крестьянских посёлков в Акмолинской области, несмотря на первоначальную нищету дворов, являлся поразительным и резко бросаю-

щимся в глаза [5. С. 21]. За семь лет, с 1884 по 1890 г., благосостояние крестьян восьми посёлков Акмолинской области выросло в 3–4 раза. Несмотря на голодные 1891–1892 гг., как свидетельствует статистика, двух лет крестьянам оказалось достаточно для восстановления пошатнувшихся хозяйств [5. С. 60].

В официальных документах, в частности в записке об улучшении хозяйственно-экономического быта киргизов Семипалатинской области (статского советника Попова и надворного советника Левицкого), фиксировалась негативная оценка казачества с точки зрения их земледельческих навыков: «Казак, перенявши от киргиза много из одежды, пищи, привычек, до того обленился, что не только земледелием заняться не в силах, но не нарубит дров для варки пищи, а наймет для этого киргиза...» [6. Л. 56].

По мнению журналиста «Сибирской газеты» (№ 32 за 1881 г.), «заселение Иртышской линии русскими началось ранее 40-х годов прошлого столетия. Значит, мы хозяйничаем в степи около 150 лет. А как-то плохо верится этому при виде результатов почти полуторавековой культуры. Станицы, торчащие через каждые 20–25 вёрст, смотрят так уныло и бедно, а степь – так пустынно и безжизненно! Можно подумать, что проезжаешь по краю, недавно разорённому, или по совершенно “бесплодной” степи, неспособной отблагодарить человека за его труд. Но край пользуется спокойствием давно, а почва более чем благодатна, следовательно, причины бедности края нужно искать в человеке, заселившем этот край, и в его порядках» [7. С. 143].

Дискредитация казаков как землепашцев и культуртрегеров продолжилась свидетельствами следующего характера: «Сопоставляя между собою два населения, оседлое и кочевое, не трудно прийти к заключению, что оседлые жители – казаки – ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов, как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться. Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит немало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае наклонности казаков к лености и беспечности в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особенным местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать, чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах... совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительства, и вполне было бы изолировано от этого оседлого населения. Всякое сообщничество с этим сословием может принести один лишь только вред степному киргизу, который в умственном отно-

шении ничего не приобретет от казака, а в нравственном, быть может, даже и потеряет» [6. Л. 57–58].

Однако, несмотря на существующие опасения и предостережения, добиться полной взаимной изоляции коренного населения от казачества было объективно невозможно. Ощущение казачеством собственной сословной, субэтнической и региональной идентичности, а также способы реализации этой идентичности оказывали прямое воздействие на формирование особых взаимоотношений с «инородческим» сегментом сибирского социума, вовлекая в этот процесс и переселенческий контингент.

Характеризуя взаимоотношения казачества с коренным населением Степного края, И.Ф. Бабков констатировал: «Не подлежит сомнению, что казаки эксплуатируют киргизов, у которых они к тому же заняли и лучшие места в степи для своих поселений, и тем, до некоторой степени, стеснили кочевников, которым по образу жизни действительно необходимы для их стад обширные пастбища» [8. С. 37].

При этом, как утверждал М.И. Венюков, сибирские казаки «привыкли смотреть на степь как на свою аренду», собирали, по сути дела, дань с кочевников, что породило обоюдные недружелюбные отношения, которые «существуют искони и, вероятно, долго будут существовать» [9. С. 28]. По замечанию А.Н. Седельникова, «он (казак. – Б.Т.) смотрит на себя, прежде всего, как на “слугу царского”, гордится своим привилегированным положением, держит себя свысока в отношениях с крестьянином, которого унижительно именует “мужиком”, а к казаку относится вообще презрительно, называет “собакой”, обмануть или обругать которого – обычное явление» [10. С. 221].

Тем не менее долгосрочность контактов в областях Степного края между казачеством и коренным населением приводила к выработке определённого алгоритма взаимодействия между исследуемыми локальными группами, что до некоторой степени амортизировало конфликтность во взаимоотношениях. В.А. Остафьев риторически свидетельствовал: «...При полной бездеятельности казаков в степи просто невозможно жить. Нарубить дров, обработать пашню или огород, полоть всё лето гряды, извозничать... возить воду – всюду джатак» [5. С. 46].

Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. Для последних же наем на работу к казакам мог стать способом выжить и воспринимался как наименьшее зло. По этому поводу Г.Е. Катанаев писал, что в хозяйственном отношении и своем быту казак сам «полу-киргиз» и потому более привычен казаку, чем крестьянин или мещанин. Подобно рода рассуждения Г.Е. Катанаева сходятся и с другими мнениями. Так, Г.Н. Потанин свидетельствовал, что «здешний казак – ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержится наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают проводить время в разъездах по аулам для сбора своих долгов. В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но считается разговорным; киргизские обычаи также многие усвоены: например, казаки

охотно пьют кумыс и едят конину. Кража баранов из киргизских аулов, когда казаки находятся на годичной службе в киргизской степи, доведена у них до того же искусства, как и у самих киргизов, по пословице «С волками жить – по-волчьи выть»» [11. С. 306]. Н.М. Пржевальский, характеризуя коммуникативное пространство отношений казачества и «иностранцев», резюмировал: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих «иностранцев» соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников» [12. С. 299–300]. Член Степной комиссии А.К. Гейнс, не скрывая беспокойства, сетовал: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую можно ожидать а priori. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрусения в степи» [13. С. 117].

Вместе с тем, невзирая на близость, обусловленную совместным проживанием и, как следствие, некоторым сближением культурных типов, почва для конфликтов между казачеством и «иностранцами» аулами оставалась весьма благоприятной. В хозяйственно-экономическом плане основная причина заключалась в неудобстве расположения кочевий коренного населения, местоположение которых определялось по остаточному принципу. К этому необходимо добавить, что в распоряжении казаков в степной части сибирской ойкумены находились лучшие территории по берегам Иртыша «с богатейшими заливными полосами... которые служили главной приманкой для кочевника-скотовода» [14. С. 70]. В ходе обследований 1896–1902 гг., произведённых экспедицией Ф.А. Щербины, когда в поле зрения экспедиционеров попало 12 уездов Степного края (в том числе, Акмолинской и Семипалатинской областей), выяснилось, что большинство «иностранцев» хозяйств располагалось вне речной зоны, на степной стороне со скудной растительностью и дефицитом кормовой базы [Там же. С. 70–71].

Казаки действительно чувствовали себя хозяевами степи, тем более что колонизация степных областей входила в обязанность Сибирского казачьего войска. Г.Н. Потанин в этой связи отмечал: «Мы не можем сказать, отличается ли войско особенными колонизаторскими способностями; мы говорили уже, что некоторые из них имеют желание на переселение, но другие, напротив, с неохотой оставляют свою родину. Во всяком случае, колонизация киргизской степи не должна быть исключительно военно-поселенной, а рядом с последней должна идти и свободная колонизация, что удвоило бы наши успехи в Средней Азии» [11. С. 327].

Однако рост свободной колонизации, увеличение зоны образования переселенческих посёлков не уменьшили конфликтности, напротив, база конфронтации существенно расширилась.

В новых обстоятельствах казачество не только заявляло о готовности продолжить захваты земель ко-

чевников, но ревниво и, как правило, недоброжелательно относилось к появлению новых земельных конкурентов – крестьян-переселенцев. Появление переселенцев с их жадной земли угрожало не только кочевому землепользованию, но и казачьему привилегированному землевладению. Казачество, признавая социальную близость и русскую национальную общность с новоприходцами, демонстративно выделяло себя из крестьянской массы, а экономическая напряженность в землепользовании грозила перерасти в острый социальный конфликт.

П.П. Семёнов-Тян-Шанский, рассуждая о судьбах сибирского казачества в пореформенный период, фиксировал, что к концу 1860-х гг., когда начали происходить трансформации во взглядах правительства на колонизацию степных областей Западной Сибири и в казачестве как в постоянно мобилизованной военной силе нужда отпала, возникло наивное убеждение, что казак моментально из воина превратится в земледельца. «Подобного превращения, – замечает Семёнов-Тян-Шанский, – разумеется, не произошло: ни огромный земельный надел, ни дешёвый наёмный труд киргиз... ни что это не сделало казака земледельцем и пропагандистом земледелия. Идеология казака господствовала здесь очень продолжительное время и в высшей степени тормозила попытки открыть край для колонизации его элементами... более способными... для роли земледельцев» [15. С. 228].

Показательно, что скепсис казачества по отношению к переселенцам формировался в двух плоскостях – как в ментальной, так и социально-экономической.

Будучи социально близкими русским переселенцам, имея с ними этническое и конфессиональное родство, казаки, тем не менее, демонстрировали свою инакость, несходство с русским крестьянином, идентифицируя себя в мозаичной среде региона следующим порядком: «Киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить; а у мужика на то и руки сделаны как крюки, чтоб за сохой ходить; мужик берет горбом, а казак умом да казачьей сметкой. Нашего брата бьют на службе, когда на мужика похож» [16. С. 22].

Наплыв крестьян-переселенцев не только вызывал тревогу у казаков покушениями на их земельные владения, но и сопровождался стремлением оградить собственную казачью культурную идентичность. Слышались обвинения, что «голодные и подчас обнаглевшие иногородцы» живут за счет казаков, хищнически относятся к землям и угольям на казачьей войсковой территории, куда их неосторожно впустили когда-то из милости. Они отбирают у казаков их «кусок хлеба», захватывают пастбища, безнаказанно ловят рыбу в казачьих озерах, выбивают дичь в войсковых лесах, при этом «сотой доли не несут той тяготы, что несет казак» [17. С. 211–212].

Росту конфронтации между казачеством и русским переселенческим элементом активно способствовал, по нашему мнению, плохо организованный и поэтому малопродуктивный эксперимент по организации совместной хозяйственной деятельности локальных сообществ. Представители высшей административной бюрократии, демонстрируя изменившиеся приоритеты в выборе основного субъекта колонизации, стара-

лись презентовать фигуру переселенца в качестве идеального земледельца, по выражению П.П. Семёнова-Тян-Шанского, «инструктора» земледелия не только для кочевников-киргиз, но и для оседлого казачества [15. С. 228]. Так, в Акмолинской станице казаки, руководствуясь советами и опытом переселенцев, пытались производить посевы, но ряд неудач привёл их к заключению о непроизводительности местных почв. В то же время крестьяне-переселенцы из России, начав пахать не сохами, а плугами, добились хороших урожаев, продемонстрировав тем самым свои навыки профессиональных землепашцев. Поселившись в Павлодарском уезде, мигранты из Европейской России научили казаков обрабатывать места, считавшиеся с момента заселения Иртышской линии бесплодными [Там же. С. 228–229].

Однако казаки, перенимая крестьянский опыт, заимствовали и модели организации земледелия: «Пашем, где соха и коса ходит...». В.А. Остафьев, характеризуя восприятие казачеством крестьянских экстенсивных технологий, отмечал: «Каждый пахал и сеял, где пожелает и сколько времени хочет... Пашут и сеют, пока родит, а потом бросают землю. Так понемногу распахали все надельные земли, урвали, что можно, и теперь земля сильно выпалхалась и далеко не дает уже таких урожаев, как давала новая» [5. С. 150].

Во второй половине XIX в. для поддержания скотоводства казаки активно стали заниматься травосеянием. Учитывая зиму всего в три месяца и принимая в расчет весьма значительное количество овец и то, что «в счастливые зимы большая часть скота так же, как и у киргизов, остается на общественных выгонах», у казаков обнаруживался значительный излишек сена, который они продавали и иногда весьма выгодно [18. С. 224].

Однако обязанность выходить на лагерные сборы и на действительную воинскую службу, не позволявшие многим из казаков в полном объеме выполнить весь цикл сельскохозяйственных работ, единовременные непроизводительные затраты на покупку снаряжения и лошади и т.д. приводили к тому, что в конкуренции мелкоотоварных хозяйств казачье сословие проигрывало крестьянскому.

В результате в экономических моделях поведения казачества и крестьян-переселенцев несходств наблюдалось гораздо больше, нежели совпадений. Более того, стереотипы этого поведения фиксировались и охранялись законодательно. Так, советник Акмолинского областного правления Т.И. Тихонов в докладе о нуждах оседлого и кочевого населения за 1903 г. отмечал, что и без того ограниченные лесные зоны Степного края власти, апеллируя к закону, охраняют от переселенцев, тем временем казакам предоставляются неограниченные возможности для ведения хищнического лесного хозяйства [19. С. 34]. Т.И. Тихонов в своём докладе констатировал, что переселенцы-новосёлы постоянно жалуются на недостаток лесных материалов, отпускаемых на усадебные и хозяйственные постройки. В то же время «по так называемой “Горькой линии”, по которой проходит железная дорога, масса заготовленных берёзовых дров... Всё это сплошь вырубается лес казачьих станиц и офицерских участков» [19. С. 35].

Не последнюю роль в формировании и эскалации конфликтов казачества с русскими переселенцами играл характер распределения мигрантов в границах колонизируемых территорий. В первую очередь это касалось южных районов Семипалатинской области, а именно Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов, где до начала XX в. не были установлены нормы киргизского землепользования. Отсутствие юридических критериев землеобеспечения и официально отмежеванных, подготовленных для принятия переселенцев участков приводило к тому, что переселенцы шли коротким путём: вдоль бассейна Иртыша, в направлении казачьих станиц, что неизбежно приводило к конфронтации [20. С. 189–190].

Таким образом, процесс включения казачества в этническое и социокультурное пространство Степного края осуществлялся в условиях осознания локальной группой своей сословной идентичности и культурного превосходства над другими сообществами региона. В этой системе координат соответствующим образом выстраивались отношения военнослужащих Сибирского казачьего войска как с «инородцами» края, так и постоянно прибывавшими в Степной край переселенцами из Европейской России.

К числу основополагающих факторов, определивших сложность, связанные с инкорпорацией казачества в социокультурный контекст колонизируемых территорий степных областей Западной Сибири, по нашему мнению, необходимо отнести следующее.

Во-первых, в период, предшествовавший массовым аграрным переселениям в регион, казачество расценивало имперскую власть в качестве основного субъекта колонизации, выполнявшего важнейшие военно-политические функции и, как следствие, именно с казачеством имперская бюрократия связывала перспективы русификации Степного края. Всё это не могло не оказать влияния на территориальное размещение казачьих общин в пределах степных областей края, предоставление сословию определённых преимуществ в расселении, образе жизни, ведении хозяйственных занятий, так или иначе ограничивавших правовые и экономические свободы коренного населения.

Во-вторых, с активизацией переселенческого движения в Степной край, сменой колонизационной парадигмы в общественно-политическом дискурсе и правительственной политике начинает обсуждаться вопрос о недостаточной эффективности казачьей колонизации, низком культуртрегерском потенциале локального сообщества казаков в колонизируемом регионе.

В результате происходивших процессов казачество неуклонно утрачивало позиции основного субъекта колонизации края. Упразднение имперских задач, связанных с военным завоеванием, и ориентация властей на аграрное освоение постепенно выводили казачество и их деятельность из спектра первоочередных интересов Российского государства на восточных окраинах страны. Обратной стороной данного явления становилась актуализация стереотипов социального, экономического, культурного поведения лиц казачьего звания, что усиливало их сословную замкнутость и субэтнический изоляционизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремнёв А.В., Суворова, Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
2. Чуркин М.К. К вопросу о социальной природе и самосознании сообщества русских казаков в контексте присоединения Сибири к России (XVI – XVII вв.) // Недбаевские исторические чтения / ред.-сост. А.М. Лосунов и др. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 254–258.
3. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 9. Д. 15380.
4. Митропольская Т.Б. Из истории семиреченского казачества : учеб. пособие. Алматы : ЭділетПресс, 1997. 90 с.
5. Остафьев В.А. Очерк Акмолинской области // Сведения о Сибири. СПб., 1891. 151 с.
6. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587.
7. Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времён до XX века. Павлодар : КЕРЕКУ, 2000. 200 с.
8. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 гг. СПб. : Тип. В.Ф. Киришбаума, 1912. 575 с.
9. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб. : Типография Безобразова, 1873. 575 с.
10. Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край).
11. Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. СПб., 1861. С. 288–316.
12. Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 280–322.
13. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов : в 3 т. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. 597 с.
14. Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях XIX – начале XX в. (на материалах Северо-Восточного Казахстана) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2005. 120 с.
15. Россия: полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 1–19 / под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-пред. Имп. Рус. геогр. об-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Имп. Рус. геогр. об-ва ; [предисл.: Вениамин Семенов]. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1899–1914. Т. 18: Киргизский край: [Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области] / сост. А.Н. Седельников, Л.П. Осипова, А.Н. Букейханов [и др. предисл.: В. Семенов]. 1903. VIII. 478 с.
16. Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1893. Кн. XV, вып. II. С. 1–24.
17. Уралец. Почему обеднели казаки // Великая Россия : сб. ст. по воен. и обществ. вопросам. М., 1911. С. 200–223.
18. Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч. 3. 282 с.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Степной край. СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1903. 119 с.
20. К вопросу о заселении южных уездов Семипалатинской области // Вопросы колонизации. 1908. № 4. С. 180–193.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 марта 2017 г.

COSSACKS AS THE SUBJECT OF AGRARIAN COLONIZATION OF THE STEPPE TERRITORY (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 165–170.

DOI: 10.17223/15617793/419/22

Bakyt S. Tokmyrzayev, Sirdariya University (Zhetysay, Kazakhstan). E-mail: nat. proff.om@yandex.ru

Keywords: Cossacks; agrarian colonization; settlers; class identity; indigenous people.

In this article, by referring to the research practice of the “new imperial history” the reasons for the reorientation of the government in the implementation of the policy of colonization in the steppe region, expressed in the rejection of the “services” of the Cossacks as the main subject of the agricultural development of steppe areas are determined. Developing the content of the power and socio-political discourse about the prospects for the agrarian colonization of the Steppe Territory in the post-reform period, as well as the role of the Cossacks in the agricultural development of the steppe regions of the Trans-Urals, made it possible to state that during the period under study there was an accentuation of imperial priorities in colonization, which were clearly demonstrated in the polemic about the basic actors of the agricultural development of steppe areas. In the research, the main approaches to assessing the potential culture-triggering opportunities of the local community of Cossacks are considered as the main subject of the colonization process. The main channels for the representation of value judgments, shedding light on the significance and results of Cossacks’ participation in the development of the steppe regions, are presented. With the increasing migration movements in the Steppe Territory, Cossacks steadily lost the position of the main subject of colonization, whereas the peasantry, becoming representative of the interests of the Russian Empire in the areas of the Steppe Territory, received serious financial and moral prerogatives in settling. Abolition of the imperial tasks related to the military conquest excluded the Cossacks and their activities from priority interests of the Russian Empire in the conditions of borderland development. An indirect cause of such a situation was the sharp sense of social identity of the Cossacks, and, as a consequence, the cultural superiority over other peoples – representatives of indigenous groups and settlers from European Russia. Thus, the military men of the Siberian Cossack troops built relations with different categories of the population of the region: indigenous groups were the Kazakhs, the Russians old-timers and immigrants arriving constantly in the Steppe Territory from the provinces of European Russia. The class localism of the Cossacks and their limited agricultural experience led to the adjustment of the imperial plans, which resulted in the stakes on the peasantry in the agricultural development of the region.

REFERENCES

1. Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: the imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Омск: Nauka.
2. Churkin, M.K. (2012) K voprosu o sotsial'noy prirode i samosoznaniy soobschestva russkikh kazakov v kontekste prisoedineniya Sibiri k Rossii (XVI – XVII vv.) [On the social nature and consciousness of the community of Russian Cossacks in the context of the annexation of Siberia to Russia (16th–17th cc.)]. In: Losunov, A.M. et al. (eds) *Nedbaevskie istoricheskie chteniya* [Nedbayev historical readings]. Омск: Омск State Pedagogical University.
3. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 9. File 15380. (In Russian).

4. Mitropol'skaya, T.B. (1997) *Iz istorii semirechenskogo kazachestva* [From the history of the Semirechie Cossacks]. Almaty: EdiletPress.
5. Osta'ev, V.A. (1897) Ocherk Akmolinskoy oblasti [Essay of Akmolinskaya region]. In: Sel'skiy vestnik. (ed.) *Svedeniya o Sibiri* [Information about Siberia]. St. Petersburg: Izd. red. "Sel'skogo Vestnika".
6. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 7. File 11587. (In Russian).
7. Insebaev, T.A. (2000) *Ocherki istorii Pavlodarskogo Priirtysh'ya s drevneyshikh vremen do XX veka* [Essays on the history of Pavlodar Irtysh region from ancient times to the twentieth century]. Pavlodar: EKO.
8. Babkov, I.F. (1912) *Vospominaniya o moyey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri, 1859–1875 gg.* [Memories of my service in Western Siberia, 1859–1875]. St. Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma.
9. Venyukov, M.I. (1873) *Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii* [The experience of the military watch of Russian borders in Asia]. St. Petersburg: Tipografiya Bezobrazova.
10. Sedel'nikov, A.N., Bukeykhanov, A.N. & Chadov, S.D. (1903) Istoricheskie sud'by Kirgizskogo kraya i kul'turnye ego uspekha [Historical destinies of the Kyrgyz region and its cultural success]. In: Sedel'nikov, A.N. et al. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva* [Russia. A complete geographical description of our homeland]. Vol. 18. St. Petersburg: A.F. Devrien.
11. Potanin, G.N. (1861) Zametki o Sibirskom kazach'em voyske [Notes on the Siberian Cossack troops]. In: *Voennyi sbornik* [Military Collection]. St. Petersburg.
12. Przheval'skiy, N.M. (1883) O vozmozhnoy voyne s Kitaem (Urga, 22 okt. 1880 g.) [On a possible war with China (Urga, October 22, 1880)]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia]. Vol. 1. St. Petersburg: Voen. tip.
13. Geyns, A.K. (1897) *Sobranie literaturnykh trudov: v 3 t.* [Collection of literary works: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
14. Borsukbaeva, A.M. (2005) *Kolonizatorskaya politika tsarizma v kazakhskikh zemlyakh XIX – nachale XX v. (na materialakh Severo-Vostochnogo Kazakhstana)* [The colonialist policy of tsarism in the Kazakh lands of the 19th – early 20th centuries (On the materials of North-Eastern Kazakhstan)]. History Cand. Diss. Almaty.
15. Semenov, V.P. (ed.) (1903) *Rossiya: polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey* [Russia: a complete geographical description of our homeland: a desktop and road book for Russian people]. Vol. 18. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
16. Katanaev, G.E. (1893) Khlebopashestvo v Bel'agachskoy bezvodnoy stepi Altayskogo gornogo okruga [Breeding in the Belagachsky waterless steppe of the Altai mountainous district]. *Zapiski ZSOIRGO*. XV:II. pp. 1–24.
17. Uralets. (1911) Pochemu obedneli kazaki [Why Cossacks became impoverished]. In: Ryabushinskiy, V.P. (ed.) *Velikaya Rossiya: sb. st. po voen. i obshchestv. voprosam* [Great Russia: articles on military and social issues]. Moscow: Red.-izd. V.P. Ryabushinskiy.
18. Krasovskiy, M. (1868) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff. Region of the Siberian Kirghiz]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Trapshelya, Rettera i Shneydera.
19. Tip. V. Kirshbauma. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Stepnoy kray* [Works of local committees on the needs of the agricultural industry. The Steppe Territory]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
20. G. (1908) K voprosu o zaselenii yuzhnykh uezdov Semipalatinskoy oblasti [On the settlement of the southern districts of the Semipalatinsk region]. *Voprosy kolonizatsii*. 4. pp. 180–193.

Received: 31 March 2017